

И СНОВА О МНОГООБРАЗИИ
ОБРАЗОВ РОССИИ
В БОЛГАРСКОЙ КНИЖНОСТИ XIX В.

Связь болгар с Россией обычно строится на факте общности славянского происхождения и языковой близости. Другой фактор — православие — имеет меньшее значение. Образы России занимают важное место в болгарской национальной мифологии. Они считаются древними, широко распространенными и доминирующими в XX в. Они встречаются в большом количестве текстов, их созданием и укоренением занимались различные идеологические и пропагандистские структуры и институты. Такое положение сложилось относительно недавно. Россия практически отсутствовала в ментальной картине мира болгарской книжности XVIII — первых десятилетий XIX в. или находилась на ее периферии. Исследования показывают, что известные образы России, в сущности, возникли сравнительно недавно и были внедрены в сознание благодаря государственным (в первую очередь образовательным) институтам и пропаганде¹. При всем многообразии этих образов главные из них могут быть сведены к двум фигурам и многочисленным о них рассказам — Деду Ивану и Райне — Княгине болгарской. Первая фигура существует в двух вариантах — русского царя (потенциального освободителя) и русского генерала. Имеющие сходную *направленность* легенды о Райне-княгине распространены не столь

¹ См. *Аретов Н.* Българското възраждане и Европа. София: Кралица Маб, 1995. Изд. 2-е. София, 2001. С. 44–63.

широко, и их содержание не столь прозрачно². Нечто подобное можно констатировать и в отношении образов болгар в России. Болгары не попадали в поле зрения русской политики в XVIII³ и даже в начале XIX в.⁴ Сербы, греки и Дунайские княжества играли большую роль во внешней политике Российской империи, и здесь долгое время акцент ставился не на славянской идее, а на православии. Тогда и родилась мощная мифологема «Москва — третий Рим», живущая и поныне. Среди болгар, однако, она не была распространена ни в XVIII, ни XIX вв., ни позднее. Этот акцент порождал если не отсутствие то, по крайней мере, весьма слабое присутствие болгар в русской литературе⁵. В идеологической конструкции, связанной с Третьим Римом, нет достаточно места малым православным народам: по крайней мере не в той степени, которая необходима для славянской идеи. Постепенно славянофильство с православной доминантой превращается в государственную политику Российской империи. По мере территориального расширения России за счет Османской империи старая

² См. *Данова Н.* Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX век. София. Наука и изкуство, 1980. С. 28–33 и др.; *Ангелов Б.* Три исторически разказа // Известия на Института за история. София, 1964. Т. 14–15. С. 486–489; *Мутафчиева В.* «Предсказанията» за края на Османската империя (Към въпроса за българо-руските културни връзки през XIX в.) // *Studia balkanica. Sofia*, 1974. № 8. P. 109–117; *Димов А.* Дядо Иван: мит или действителност. Велико Търново: Абагар, 2004.

³ *Стоилова Т.* Третиият Рим. Мирните решения на руската имперска политика в Югоизточна Европа през XVIII в. София: Акад. изд.: «Проф. М. Дринов», 2001.

⁴ *Георгиева Т.* Славянският въпрос в руската обществена мисъл 30-те — 50-те години на XIX в. София, 2003. — Дисертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. С. 49–52. Здесь же см. новейшую научную литературу вопроса.

⁵ *Германов Г.* Окървавено навечерие. България и българите в руската литература. София: Отечествонен Фронт, 1984. Автор останавливае се на присутствию болгар в русской литературе начиная с А.С. Пушкина, В.Г. Теплякова (1804–1842), И.П. Липранди (1790–1880), А.С. Хомякова (1804–1860), А. Вельмана, не поднимая вопроса об их отсутствии в ней ранее.

идея о выходе к теплому морю фактически связывается к болгарам. Начинается их привлечение и использование для реализации российских политических целей. Этот процесс, разумеется, имел точки соприкосновения с более старыми, не относящимися к имперской пропаганде настроениями в России и среди болгар. Но они были очень слабыми и не результативными, пока в ход не пошла пропаганда.

Обращение внимания славянофильских (и военных) кругов, а позднее и правительства Российской империи на болгар почти автоматически привело к диаметрально противоположным идеям в среде оппозиции — «западников» и революционных демократов, которые в целом не проявляли интереса к славянским родственникам на Балканах. А если все-таки какой-то интерес и возникал, то он приобретал форму снисходительного отношения (как, например, у В. Белинского). Это усложняло позицию болгарских патриотов, находившихся или получивших образование в России. Часть из них чувствовали себя близкими к русским революционным демократам или старались с ними сблизиться. Так, во взглядах Л. Каравелова и Х. Ботева особым образом сочетаются две противостоящие друг другу русские идеологические линии — славянофильства и его оппонентов, совсем недавно называвшихся «революционными демократами». Может быть, поэтому Россия присутствует в их публицистике, но слабо представлена в их литературных произведениях. А если и представлена, как в ряде рассказов Л. Каравелова с русскими сюжетами, то ее образ нельзя однозначно назвать позитивным. Этот образ не был адресован болгарским читателям и практически до них не доходил.

Споры в России о болгарях и южных славянах разгорелись после русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг. и нашли свое отражение в высочайших образцах русской литературы — романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстого и «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского⁶. Если исключить роман И.С. Тургенева «Накануне», можно констатировать,

⁶ *Кибалник С.* Споровете за Балканската война на страниците на «Ана Каренина» // *Литературна мисъл.* София, 2012. № 1.

что болгары ранее не попадали в произведения столь именитых русских авторов. При этом, несмотря на декларируемое положительное отношение почвенника Ф.М. Достоевского к болгарам, оно далеко не однозначно. Еще больше это относится к Л.Н. Толстому, по крайней мере, при комментировании им мыслей Достоевского, связанных с болгарам.

При всех идейных напластованиях здесь можно выделить несколько отдельных проблем. Это реальные политические действия писателей и деятелей той эпохи, их публицистические выступления и литературные воплощения.

В первой половине и середине XIX в. два важных для болгар связанных с Россией вопроса порождают массу преимущественно публицистических текстов, немалая часть которых направлена против русских имперских амбиций. Первый вопрос — это политика обмена населением с Османской империей, в результате которой болгары выселялись в Россию, а на их месте поселялись татары и черкесы. (Эта практика не являлась особым русским геополитическим изобретением XIX в. — и до и после этого она еще больших масштабах применялась другими империями и государствами). Подобная политика вызвала противодействие ряда ведущих болгарских общественных деятелей, например, Неофита Бозвели⁷

⁷ В этом отношении показательна история публикации ставшего ныне классикой диалога Неофита «Мати Болгария»: Григорий Хилендарский передал текст этого бозвелевского произведения с антирусским содержанием А. Гранитскому, а тот, в свою очередь вручил его российскому консулу в Варне Александру Рачинскому, который его попридержал и отказался возвращать. Тогда Григорий передал текст «Мати Болгария» прорусски настроенному писателю и архиепископу Василиу Друмеву, опустившему при публикации диалога в 1874–1875 гг. антирусские высказывания Бозвели. См.: *Арнаутов М.* Непознатият Бозвели. Първообразът на «Мати Болгария» и други необнародвани трудове и писма. София: БАН, 1942. С. 28–29; *Danova N.* L'occultation des relations avec la Russie par l'historiographie bulgare // *Textes réunis par Alain Vuillemin et R.L. Stantcheva.* Cluj-Napoca: Editions de l'Institut d'Etudes balkaniques, Editura Limes. Editions L'oublié et l'interdit. Littérature, résistance, dissidence et résilience en Europe Centrale et Orientale (1947–1989). Rafael de Surtis, 2009.

и особенно Георгия Раковского. По крайней мере одна связанная с Россией публицистическая публикация принадлежит и болгарскому поэту и революционеру Христо Ботеву, в которой обрисована зловещая русская антиболгарская политика в отношении болгарских переселенцев в Бессарабии в XIX в.⁸ Второй вопрос, в котором желания части болгарского общества расходились с русской имперской политикой, был связан с так называемой болгаро-греческой церковной распрей и стремлением болгар воссоздать свою независимую церковь.

Подобные действия, очевидно, породили негативные или, по крайней мере, критические настроения среди части болгар, но ясный и распространенный негативный образ России в то время в болгарской литературе вроде бы не наблюдался. Позднее после воссоздания болгарского государства он стал одним из водоразделов между русофилами и русофобами. Здесь следует отметить две вещи. Негативные настроения и более поздние русофобские политические пристрастия (например, писателя З. Стоянова и политика С. Стамболова), с одной стороны, имели следствием создание непропорционально малого количества литературных текстов. С другой стороны, практически всегда независимо от партийной принадлежности и факта нахождения у власти литературный канон был склонен отвергать подобные тексты и они по этой причине оставались маргинальными.

В особом положении находились позитивно настроенные к России авторы и тексты. Они, разумеется, гораздо более легко попадали в канон, но даже связанные с Российской империей авторы и убежденные русофилы также не создавали много текстов, посвященных России, и их отношение к ней далеко неоднозначно. Существует лишь несколько посвященных России ранних стихотворений, причем некоторые из

⁸ Български известия // Знаме. 1875. 4 апреля. № 13. В: *Ботев Х. Събрани съчинения / съст. Н. Жечев. София: Български писател, 1980. Т. 3. С. 38–39.*

них, в сущности, являются переводами. Это «Песнь о России», созданная Парфением Павловичем (1773) и «О ветре северном», написанное монахом Нафанаилом Стояновичем и Захарием Княжеским (1847).

Активизация отношения болгар к России была прямо связана с деятельностью болгарской колонии в Одессе в 40-е годы XIX в., которая способствовала получению соплеменниками образования в России и проведению российской государственной политики по отношению к Болгарии. Ключевыми фигурами в колонии являлись обрусевший болгарский купец Васил Априлов и Николай С. Палаузов. В начале их усилия натолкнулись на противодействие таких общественников и книжников, как объявленный эллинофилом Райно Попович и Неофит Рильский, но благодаря поддержке русского правительства и наличию сравнительно больших финансовых возможностей они сумели постепенно одержать верх в проведении своей линии.

Ключевой фигурой в процессе обращения одесских болгар к патриотическим начинаниям и стал русский (закарпатский украинец) ученый любитель Юрий Венелин (1802–1839). В России он являлся маргинальной фигурой, не связанной с академическими кругами, но ему покровительствовали славянофилы М.П. Погодин, А.С. Хомяков, И.И. Срезневский. Ю. Венелину было посвящено два сравнительно ранних стихотворения жившего в Бухаресте болгарина Георгия Пешакова (1785–1854) — «Ода Юрию Венелину» и «Рыдание на смерть Венелина» (оба они были опубликованы в 1841 г.).

В болгарской поэзии еще до освобождения от турок появилась фигура русского царя. Начало этому положил Г. Пешаков, создавший во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. посвященное императору Николаю I четверостишие на пяти языках, которыми он владел: болгарском, русском, греческом, румынском и немецком. За это он был награжден серебряной медалью и получил премию в размере 100 руб. Ободренный поэт написал еще одно стихотворение на по-

добную тему — «Сувенир в честь русского императора Николая I»⁹.

Болгарин Найден Геров — российский поданный — за год до того, как стать вице-консулом в Пловдиве, написал (или, вернее, перевел) в Санкт-Петербурге стихотворение «Честному царю Александру...» (1856), но оно осталось в рукописи, как, впрочем, и все его поэтические опыты за исключением поэмы «Стоян и Рада».

Панегирики русскому императору представляли собой и несколько стихотворений П.Р. Славейкова, среди которых была и «Вера и надежда болгарина на Россию» во время русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг. — стихотворение, несомненно отражавшее его тогдашние чувства. Позднее уже в качестве политика в освобожденной Болгарии он позволял себе и иные политические проявления и жесты. Тогда же Иван Вазов создал свое известное стихотворение «Россия», включенное в его стихотворный сборник «Печали Болгарии». Эти два стихотворения П.Р. Славейкова и И. Вазова стали хрестоматийными и (иногда с некоторыми сокращениями) присутствуют во множестве популярных сборников и антологиях.

Фигура Освободителя, которая в болгарском сознании отождествляется с Россией, русским императором, русским генералом и русским солдатом является характерным вариантом мифа о Деде Иване в литературном пантеоне Вазова и сознании его современников. Позднее эти фигуры очень настойчиво возникают в болгарском культурном пространстве. Во второй половине XX в. они целенаправленно и сознательно связываются с Советским Союзом и Красной армией. Хотя существуют и споры относительно времени возникновения мифа о Деде Иване, его смысл и его политические цели абсо-

⁹ Текст этого стихотворения см.: Българска възрожденска поезия / съст. К. Топалов. София: Бълг. писател, 1980. С. 83–87; О Г. Пешакове см.: *Кръстанов Т.* Георги Пешаков и началото на новобългарската поезия // Българо-румънски литературни взаимоотношения през XIX в. София: БАН, 1980. С. 138–155.

лютно прозрачны. Стихотворение Николы Вапцарова «Сельская хроника», например, было явно создано под воздействием предложенного Болгарии советским правительством в 1940 г. пресловутого «Пакта о дружбе и взаимопомощи». Вапцаровское стихотворение завершается прямым обращением к болгарской аудитории:

*Та казвам аз,
понеже няма
олио
и хлябът е
от мъката по-чер,
един е лозунг:
Терора долу!
Съюз със СССР¹⁰*

*А говоря я,
так как нет
подсолнечного масла
и хлеб
чернее наших мучений,
один есть лозунг:
Долой террор!
Союз с СССР!*

Самым ярким примером сознательного создания апологий о России во второй половине XX в. является произведение Орлина Орлинова «Ода СССР» (1969).

К этим основным образам можно добавить и образ холодного, чужого и до некоторой степени враждебного северного города, который присутствует в поэзии болгарских школьников Одессы и болгарских студентов Москвы. Наиболее отчетливо эти настроения прослеживаются в стихотворении «Тоска по югу» («Тъга по юг»), опубликованное в газете «Дунавский лебед» в 1860 г. Г. Раковским.

*Обде ѝе мрачно и мрак м'обвива
и темна мъгла земя покрива
мразой и снегой, и пепелници,
силни ветрища и вьюлици;
околу мъгли и мразой земни,
а в гръди студой и мисли темни
Не, я не могам овде да седам!
Не, я не могам мразой да гледам!*

(Г.С. Раковский)

*Повсюду мрачно, мрак меня объемлет
и землю кроет чернота тумана,
одни морозы, снег да пепелища,
а над землей той мерзлой и туманной
ветрища дуют, вьюги налетают.
И на земле туманной здесь и стьлой
на сердце хлад и мысли тоже мрачны
Нет места здесь для моего приюта
И взгляду негде здесь остановиться.*

Пер. И.И. Калиганова

¹⁰ Аретов Н. Малко познати документи за връзките на Вапцаров с Русия: Николов, Гр. Дело 585/ 1942 // Сб.: Никола Йонков Вапцаров. София: Вапцарова вяра, 2012.

Такие же настроения чувствуются и в другом стихотворении К. Миладинова «На чужбине» («На чужина»), в котором внизу имеется приписка «Во Беч», т.е. «В Вене». Два европейских города — Москва и Вена — порождают сходные чувства у поэта, оторванного от дома: русская (славянская) среда не ослабляют в нем чувства ностальгии. Те же самые настроения наблюдаются и в стихотворении «На чужбине» («На чужина») Райко Жинзифова (1862).

Бесспорно, лучшей болгарской элегией на эту тему является превратившееся позднее в песню стихотворение Л. Каравелова «Прекрасен ты, мой лес» («Хубаво си моя горо»), опубликованное в 1875 г. в Румынии. Образ чужой страны улавливается в нем лишь косвенно посредством умиления от тех элементов родного пейзажа, которых нет в том месте, где находится лирический герой. Здесь, как и в поэзии К. Миладинова, можно обнаружить более общий образ не особенно гостеприимной чужбины, которой является и Россия.

Русских воспитанников трудно причислить к русофобам, даже напротив — многие из них станут лидерами среди русофилов в Болгарии (например, Васил Друмев — митрополит Климент Тырновский). Часть из них, подобно Л. Каравелову, напрямую свяжут свою деятельность с институтами, проводившими русскую политику. Но создававшийся ими образ России не являлся непременно положительным. В этом отношении особого внимания заслуживает повесть В. Друмева «Ученик и благодетели, или Чужое так чужим и останется» («Ученик и благодетели или чуждото си е чуждо»). (1864–1865). Образ России в ней является сложным. С одной стороны, она страна — источник знаний и в ней герой может обрести даже любовь. А с другой стороны, в ней холодно и неуютно, герой подвергается здесь всевозможным унижениям, страдают и некоторые из его русских знакомых. Более примитивно, несомненно, критично и даже карикатурно представлены в повести образы благодетелей старшего поколения, которые напрямую связаны с Россией и являют собой первую и достаточно влиятельную группу русофилов — Н.Х. Палаузова и Н.М. Тошкова. Противоречающие утвердившемуся мифу

о русских (а также о турках) образы можно встретить даже у И. Вазова в его произведении «Новая земля» («Нова земя»).

Даже тогдашний лидер русофилов Д. Цанков после свержения с трона болгарского князя Александра Баттенберга написал письмо российскому дипломату М.А. Хитрово, которое позднее ученый С. Радев прокомментировал так: «... и я скажу ему только это: в таких и подобных темах русские заставят болгар, как ранее заставили и сербов, припомнить слова одного древнего мудреца, сказавшего пчеле: “Не надо мне от тебя ни меда, ни жала”»¹¹.

Можно заметить, что до Освобождения связанные с Россией писатели и идеологи (В. Друмев, Н. Геров, Р. Жинзифов и в известной степени Л. Каравелов) не сумели внедрить в сознание болгар какие-либо устойчивые сугубо положительные образы России. Они были склонны представлять её амбивалентно или даже в критическом свете. В значительной мере это относится и к тем болгарским деятелям, которых после Освобождения станут называть русофобами: З. Стоянову и С. Стамболову. Они высказывались о России негативно, но создать ее какого-либо отрицательного, отвечающего их политическим пристрастиям образа не смогли. Положение изменилось после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая вдохновила П.Р. Славейкова и И. Вазова на воспевание России, и особенно после создания государственных органов Болгарского княжества и постепенного формирования кано-на болгарской литературы.

* * *

Особый случай представляет собой творчество Светослава Миларова (1850–1892) — явного русофила, связанного с русскими спецслужбами, но не воспользовавшегося теми возможностями, которое обеспечивало ему его положение. Он также не создал какого-либо положительного образа России.

С. Миларов — несомненно, значительный и все еще не оцененный по достоинству болгарский писатель второй полови-

¹¹ Радев С. Строители на съвременна България. София: Български писател, 1973. Т. 1. С. 283.

ны XIX в. Он был близким сподвижником П.Р. Славейкова, автором или, по крайней мере, соавтором замечательной статьи «Две касты и власти...», блестящим мемуаристом и публицистом. Он пробовал свои силы в драматургии и поэзии, его высоко ценил И. Вазов и другие литераторы-современники.

С другой стороны, истинная роль Миларова в тогдашней общественной жизни до конца не ясна: существуют ее противоречивые оценки. Л. Каравелов неоднократно называл Миларова турецким шпионом и орудием Х. Арнаудова, который, используя его как провокатора, затем предал полиции¹². Это мнение повторили болгарские эмигранты в Румынии Д. Ценович и И. Кыршовский¹³, и оно переключало в «Записки о болгарских восстаниях» З. Стоянова¹⁴. С. Заимов считал Миларова не предателем, а деятелем революционного движения¹⁵, но впоследствии разделял версию о миларовском шпионаже, хотя в более мягком варианте, поскольку полагал, что Миларов стал жертвой Х. Арнаудова¹⁶.

После Освобождения политические противники Миларова прямо говорили о его деятельности в интересах русских¹⁷, и свою жизнь он окончил на виселице в Княжестве Болгария после нашумевшего процесса об участии в убийстве министра

¹² Каравелов Л. Събрани съчинения. София: Български писател, 1989. Т. 11. С. 256–269.

¹³ Арнаудов М. Любен Каравелов. Живот, дело, епоха. 1834–1879. София: БАН, 1964. С. 331–332, 792–799. Склонный верить этим обвинениям, М. Арнаудов все-таки заключил, что «афера Миларова... все еще не достаточно прояснена».

¹⁴ Стоянов З. Съчинения. София: Български писател, 1983. Т. 1. С. 73.

¹⁵ Заимов С. Миналото. София: Изд. на БЗНС, 1983. С. 522 и 549.

¹⁶ Заимов С. Миналото. Етюди върху Записките на Захари Стоянов. София, 1895. С. 43–61. С. Заимов утверждал, что в 1844 г. Миларов исповедался ему в своих прегрешениях: согласно его словам, он был молодым и неопытным, был обманут Арнаудовым, которому щедро заплатили за его ошибки молодости, и что тот сверг его в ад, и поэто-му именно на нем лежит вина за миларовские грехи.

¹⁷ Конев И. Непознатият Светослав Миларов. Из живота и дейността му в Хърватско и Румъния // *Он же*: Ние сред другите и те сред нас. София: Наука и изкуство, 1972.

Х. Белчева — одного из переводчиков «Воспоминаний о цареградских темницах».

Крайнюю русофильскую позицию Миларова в Румынии отмечал и С. Радев. Он писал, что когда в Браиле получили телеграмму о мятеже в Силистре, то среди болгарских эмигрантов возникло бурное ликование. Они отправились в корчму пить за успех дела. Миларов захмелел первым и, едва держась на ногах, обходил своих земляков одного за другим с криками «Ураган разразился!»¹⁸.

Необычной была судьба дневника С. Миларова, бывшего одним из ярких противников С. Стамболова. Он вел дневниковые записи в последние годы жизни, очевидно, без намерения их последующей публикации. Но они сделались достоянием читателей как свидетельства по делу об убийстве Х. Белчева, за которое Миларова присудили к повешению. Дневник включили в книгу «Делото по заговора за убиването на Негово царско височество князя и министър-председателя Стамболова и убийството на м-ра Белчева» («Дело о заговоре и убийстве Его царского высочества князя и премьер-министра С. Стамболова» и убийстве министра Белчева, 1892)¹⁹, а затем доктор К. Крыстев опубликовал его в журнале «Мысль» («Мисъл», 1897). Этот дневник справедливо называют политическим. Начал тогда же Миларов вести и другой, «поэтический» дневник. После смерти автора была опубликована лишь его концовка.

Отличие двух текстов поразительно. «Политические» записки полны сведений о встречах, разговорах, о запросах и получении из России денег, о закупленном оружии и т.д. В них мелькают силуэты фигур Тодора Икономова, Д. Цанкова,

¹⁸ Радев С. Строители на съвременна България. София: Ун-т «Св. Климент Охридски», 2009. С. 120. Автор имел в виду русофильские мятежи 1887 г., цитируя далее статьи Миларова того времени и говоря об абсолютном тумане в голове их создателя. Там же. С. 121.

¹⁹ См.: Делото по заговора за убиването на Негово царско височество Князя и министър-председателя Стамболова и убийството на министъра Белчева. Приложение — Дневникът на Св. Миларов. София, 1929.

Д.К. Попова... Один из парадоксов этого дневника заключается в том, что он недвусмысленно свидетельствует о заговоре, который, однако, не имел ничего общего с конкретным убийством, послужившем поводом для упомянутого процесса.

Между частной и публичной жизнью Миларова словно отсутствует связь. Они протекают параллельно, чтобы пересечься в конце концов, может быть, в наши дни. Во втором дневнике Миларов один, один на удивление. Он словно забыл о политических заговорах и погрузился в литературные планы, которые неожиданно слегка напоминают о произведении «На сьне и наяве» («Во сне и наяву») В. Поповича. Они связаны с написанием большой эпической поэмы «Небесный переворот» и раскрывают не только замысел и литературные предпочтения автора, но и нечто другое. По замечанию журнала «Болгарский обзор» («Български преглед»), в котором в 1895 г. был опубликован дневник, он демонстрировал и «как богато надаренная натура борется с психическим расстройством». Автор обращается, по его свидетельству, к Гомеру и Данте, Байрону и Пушкину. Он перелопачивает и читает христианскую и индуистскую религиозную литературу, книги по спиритизму, сочинения Блаватской, Папюса и др. Как видим, основным источником вдохновения для амбициозного болгарского автора являются не только русские авторы.

* * *

Любопытно, что то же самое повторяется и позднее. Немалая группа болгарских политэмигрантов в СССР в 20-е — 30-е гг. XX в. также не смогла создать действенный позитивный образ своей второй родины. Может быть, это произошло потому, что большинство из них не имели склонности к писательству, и их жизненная судьба не всегда складывалась счастливо и не располагала к подобному творчеству. Может показаться парадоксом, но положительный образ советской России появился в Болгарии благодаря левым интеллектуалам, наподобие Асена Златарова, автора книги «В страната на съветите» («В стране советов», 1936). Немного отличающийся образ СССР обживаетея в не очень популярных и часто не доходивших до

публики высказываниях проф. Димитра Михалчева, болгарского посла в Москва в 1934–1936 и в 1944–1946 гг.

После окончания Второй мировой войны пропагандистская машина заработала с новой силой. В пропаганду были вовлечены не только новые авторы — она стремилась возродить у болгар их старые русофильские настроения. Среди многочисленных примеров здесь можно привести сборник: *Български народни песни за Русия и Съветския съюз / съставител Иван Качулев, отговорен редактор Петко Стайнов*. София: Българска академия на науките, 1953.

В сущности, во второй половине XX в. истинный популярный образ СССР можно найти в устных рассказах болгар, которые там учились, и особенно болгарских рабочих, возвратившихся из Коми АССР. В первые два десятилетия после Второй мировой войны положение, вероятно, было другим, но затем сюжеты устных рассказов о Коми, по-видимому, стали оказывать на болгар более сильное воздействие, чем многочисленные официальные путевые очерки, книги и фильмы, включая и такие лучшие их образцы, как «Неосвященные двory» («Неосветени дворове», 1966) Йордана Радичкова.

Перевод с болгарского *И.И. Калиганова*

РЕЗЮМЕ

ОЩЕ ВЕДНЪЖ ЗА МНОГООБРАЗИЕТО НА ОБРАЗИТЕ НА РУСИЯ В БЪЛГАРСКАТА КНИЖНИНА ОТ XIX ВЕК

Обикновено връзките на българите с Русия се изграждат на основата на предполагаемия общ славянски произход и езикова близост — православието има относително по-малко значение. Образите на Русия, представяни като древни, са широко разпространени и доминират през XX в. в многобройни текстове. Изковаването и налагането им, като правило, се прави от различни идеологически и пропагандни структури и институции. При цялата им преплетеност в тях могат да бъдат отграничени реалните политически действия на книжовници и дейци от епохата, публицистичните изяви и литературните опити. През първата половина и средата на XIX в. имперските амбиции на Русия, отразяващи се в политиката на раз-

мяна на население с Османската империя и руското противодействие на желанието на българите да имат независима църква, поражда в България негативните и критичните нагласи спрямо нея. Обаче негативния образ на Русия не получава широко разпространение. По-късно след създаването на българската държава възникват политически разделителни линии между русофили и русофоби. Но антируските настроения и русофобските политически пристрастия (например, у З. Стоянов и С. Стамболов) поражда непропорционално малко литературни текстове. Освен това, литературният канон е склонен да ги отхвърля и те си остават маргинални. За разлика от тях, позитивно настроените към Русия автори и русофилските текстове по-лесно попадат в канона, но те не са многобройни и тяхното съдържание не е винаги еднозначно.